

Читайте в серии:

1. Агент на мягких лапах
2. Секрет еловых писем
3. Загадка сбежавшего сейфа
4. Уинстон, берегись!
5. Сыщик на арене
6. Спасти Одетту

Секретный дневник кота-детектива

Для моей храброй Греты

Пролог, или Кот в беде!

 Ну вот и все. Назад пути нет. Пробил мой последний час. И пробил он не дома, где я лежал бы на своем любимом диване, в уютном уголке, согретом лучами солнца, в кругу семьи, обступившей меня со словами прощания. Нет, он пробил прямо на холодном металлическом столе в ветеринарной клинике доктора Вильмес.

С другой стороны — пусть уж лучше моя короткая кошачья жизнь оборвется прямо сейчас, на полувздохе, чем претерпевать страдания дальше. Живот болит так сильно, что меня просто разрывает изнутри. Вернер Хагедорн, мой верный двуногий друг, едва заметив, что мне нехорошо и что я то и дело падаю, сразу же привез меня сюда. Теперь он стоит возле стола и успокаивающе гладит меня по голове. Но по его лицу видно, что он ужасно за меня беспокоится. И моя лучшая подруга Кира, ко-

торая всю дорогу сюда держала меня на руках и гладила, едва сдерживает слезы. Похоже, дела мои совсем плохи, мяу!

Когда врач попыталась ощупать мой живот, я из последних сил засучил лапами, стараясь вырваться, но быстро выбился из сил и безвольно поник на боку. Ветеринар воспользовалась этим и посветила мне в глаза фонариком, бормоча себе под нос что-то вроде «Ой» и «Охо-хо». Это меня не удивило. Я знал, что нахожусь между жизнью и смертью, причем к последней гораздо ближе.

— Господин профессор, — откашлявшись, наконец произнесла доктор Вильмес, и ее голос звучал при этом очень серьезно, — боюсь, что Уинстона отравили. Или он сам съел что-то, что опасно для кошек. Придется сейчас промыть ему желудок. Надеюсь, его еще удастся спасти.

По щекам Киры теперь и правда текли слезы, и Вернер тоже судорожно хватал ртом воздух.

Я был слишком слаб, чтобы как-то отреагировать. Если милостивому кошачьему богу угодно прибрать меня, так тому и быть. Кто бы мог подумать, что меня ждет столь бес-

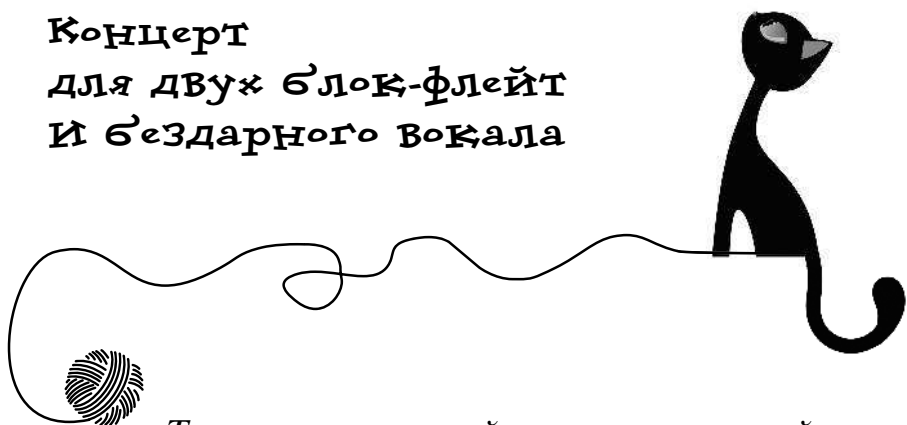
УИЊСТОЊ, БЕРЕГИСЬ!

славный конец! А ведь еще пару дней назад все было в полном порядке и я мирно лежал на нашем чудесном диване в доме Юба на Хохалее в Гамбурге, а вокруг меня бушевал ежегодный хагедорновский семейный праздник. Знай я, что это мой последний праздник и последние деньки, я бы постарался насладиться ими в полной мере. А теперь, к сожалению, слишком поздно. Прощай, о дивный мир! Прощай и ты, Гамбург, жемчужина моего сердца!

Концерт
для двух блок-флейт
и бездарного вокала

*«Ти-ишь и поко-о-ой ночью свято-о-ой.
И в тишине-е-е пред святою чето-о-ой...»*

Люди — мастера закрывать глаза на правду, в этом им просто нет равных. Будучи домашним котом, я хорошо в них разбираюсь и мог бы немало об этом порассказать! Ведь на самом-то деле ночь вовсе не была тихой и никаким покоем в нашей гостиной даже не пахло. Печально! Я-то как раз предпочел бы тишину и покой! Но вместо них в доме царил оглушительный шум: две блок-флейты вели скорее не дуэт, а поединок, и все это венчалось невыносимо фальшивым пением. У меня просто усы стояли дыбом! И это с моим-то тонким слухом! Для породистого кота, каковым я и являюсь, это было уже

слишком. Я спрыгнул с дивана и ретировался в дальний угол в надежде, что люди вскоре осознают весь ужас происходящего и положат шуму конец.

К сожалению, из всех присутствующих, кажется, лишь мне одному было очевидно, как нестерпимо плохо это звучало, потому что мой сосед по квартире, профессор Вернер Хагедорн, сидел вместе с гостями на диване и благосклонно внимал этой какофонии. Похоже, ему нравилось. Правда, дело могло быть в том, что он немного переборщил с так называемым глинтвейном — у людей этот напиток довольно быстро вызывает румянец на щеках и снижает критичность восприятия.

Его мать, госпожа Хагедорн, тоже выглядела счастливой. Когда блок-флейты наконец-то прекратили издавать истошные звуки и певица тоже умолкла, госпожа Хагедорн встала с дивана и захлопала в ладоши:

— Шарлотта, Константин! Какие же вы молодцы!

Девочка и мальчик, которые только что изо всех сил старались передудеть друг друга на флейте, повернулись к ней и поклонились, демонстрируя примерное поведение.

— Беата, ты поешь ну просто волшеб-но! — продолжила ворковать она. — Так звонко, милая, так звонко!

Ну, тут все ясно. Госпоже Хагедорн срочно нужен слуховой аппарат. Других объяснений ее восторга быть не может. По крайней мере, что касается Беаты. Шарлотта и Константин — особый случай. Она ведь доводится им бабушкой, а за много лет в роли домашнего питомца я усвоил: бабушек приводит в восторг абсолютно все, что делают их внуки. Константин — это сын Роланда и Беаты, то есть младшего брата Вернера и его вредной жены. А Шарлотта — дочь старшей сестры Вернера Симоны, которая, к счастью, не поет, но зато много молится, поскольку служит пастором. Может, ей следует как-нибудь помолиться, чтобы Беата никогда больше не пела, по крайней мере у нас в гостях. Вот же кошачий лоток!

В общем, у людей, живущих тут вместе со мной и Вернером — и, в виде исключения, не лишенных музыкального слуха, — были веские причины смуться. Экономка Вернера Анна на выходные уехала куда-то со своей матерью, а ее тринадцатилетняя дочь Кира,

моя лучшая подруга-человек, нашла убежище в гостях у своей школьной подруги Паули. Весьма предусмотрительно!

— Спасибо за комплимент, дорогая свекровь! — улыбнулась Беата. — Кстати, я приготовила для вас еще одну песню. Так что, если хотите...

Я быстро огляделся вокруг. Уголки губ Вернера подрагивали. Видимо, он все же не в полной мере разделял восторг матери по поводу певческих талантов Беаты. Но фрау Хагедорн вновь захлопала в ладоши и воскликнула:

— Ах, как здорово! Я так рада! Пожалуйста, спой еще.

Святые сардины в масле! Еще одного такого испытания мои чувствительные уши не вынесут. Оставалось одно: спастись бегством! Причем немедленно!

Не прошло и трех секунд, как я уже выскользнул в подъезд через кошачью дверцу. Краем уха я услышал, как Беата затянула но-

вую песню — снова очень громко и фальшиво. Никакого рождественского настроения эта песня не создавала даже близко. Правда, речь там шла о рыбе — мне показалось, я услышал что-то про форель в ручье¹. Это, конечно, вкусно, но все же я был рад вырваться из адского котла семейного праздника. Оказавшись снаружи, я решил отыскать Одетту.

Одетта — очень красивая белая кошка, которая целыми днями напролет гуляет на свежем воздухе во дворе нашего дома. Раньше, когда я еще был ленивым домашним котом и не показывал носа на улицу, я бы назвал ее бродячей. Но потом в нашу с Вернером квартиру въехали Кира с Анной. Поначалу я был далеко не в восторге от идеи делить любимый диван с каким-то подростком. Но постепенно мы с Кирой подружились, и с ней я открыл для себя мир за пределами четырех стен. С тех пор я знаю, что Одетта не бродячая кошка, а искательница приключений! И к тому же самая прекрасная из всех искательниц приключений в мире — при взгля-

¹ «Die Forelle» («Форель») — одна из самых известных песен композитора Франца Шуберта. (Прим. переводчика.)

де на нее мое сердце всякий раз так и норовит выскочить из груди. А еще она ужасно сообразительная, и, думаю, это и нравится мне в ней больше всего. Люблю умных женщин!

Летом Одетта часто сидит у мусорных баков вместе с двумя другими дворовыми котами, Спайком и Чупсом. Но сейчас, в зимние холода, они облюбовали другое местечко — стену рядом с вентиляционным люком подвальной прачечной. Там даже при минусовой температуре вполне сносно, потому что люк расположен в укромном уголке, куда не задувает ветер, а из прачечной все время поднимается приятный теплый воздух из сушилок для белья.

Так и есть, Одетта, Спайк и Чупс уже в зимней квартире. Дремлют, тесно прижавшись друг к другу. Похоже, что им очень уютно, несмотря на декабрьскую стужу!

Подкравшись к спящим, я поприветствовал их громким мяуканьем. Они тут же вздрогнули и проснулись.

— Эй, приятель! — лениво потягиваясь, сказал Спайк, очень толстый полосатый кот. Обычно он весьма добродушный, однако все